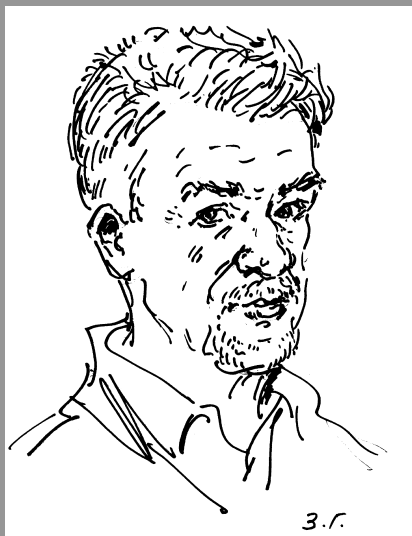

Арсен Маиров

Портрет художника. Набросок словами

палитра

Серая коробка здания Союза художников Татарстана непонятного архитектурного стиля стоит напротив памятника Баки Урманче. Мастер сидит в фартуке, устало уронив на колени руки, вылепившие что-то...

Незаметная дверь в советское прошлое. Вертушка, сваренная из железной трубы, вахтёрша в клетушке, откуда пахнет супом, строгая лестница без особых украшательств... – всё это советское, рассказывающее о торжестве соцреализма, о том, как власть пыталась дружить с работниками кисти. Чем выше поднимаешься, тем отчётливее слышится запах масляных красок, ввевшийся в стены. Комната №33, весёлая дачная шторка, а за ней висят и стоят ребром штабеля законченных и ждущих последнего мазка картин.

У хозяина мастерской Зуфара Гимаева добродушное и как бы удивлённое лицо (про такие лица говорят «вытянутое рюмочкой»). Серые волосы топорщатся ёжиком. Голос вкрадчивый, обычно так говорят дотошные люди. Зуфар не суетлив, после «айда, чайку попьём» начинает неспешный рассказ о себе, о том как и кого писал...

Он меня, прищурившись, рассматривает, я – его. Так и сидим, между первой пиалой и второй, и «рисуем» друг дружку...

Зуфар Гимаев – Заслуженный художник РФ, Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Выпускник Казанского художественного училища, Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Ильи Репина и творческой мастерской Академии художеств СССР под руководством Хариса Якупова. Председатель правления Союза художников Татарстана. Его произведения экспонировались на международных выставках в Турции и Словакии, они хранятся в музеях изобразительного искусства Татарстана, Чувашии, Перми и Красноярска, частных коллекциях России и за рубежом. Художник работает в различных жанрах изобразительного искусства: тематическая картина, пейзаж, портрет. Любопытно, что живопись – не единственное увлечение Гимаева. Он мастер спорта СССР по акробатике. В своё время успешно занимался пантомимой. Младший брат его – тоже художник. Живёт и творит в Германии

– Ты за свою жизнь многих написал, известных и не очень. Во времена соцреализма отдал, наверное, дань и дояркам?

– Честно говоря, доярками особо не интересовался, за что меня Харис Якупов* даже ругал: «Почему ты пишешь каких-то деревенских бабuleк, а не сильных красавцев, достойных кисти художника!» Очень уж он ополчился на одну мою работу. «Выброси!» – кричал. А это была Джамал-апа, я её в деревне Кукеево нашёл. Я ведь тогда много деревень республики объездил, лица искал. «Смотреть не могу на твоих старух! – не унимался Якупов. – Мелкая тема. Где размах, где рабочий класс? Почему нет КамАЗов, строительных вагончиков, кранов, хотя бы колхозниц? Где всё это?»

Джамал-апа

Я разглядываю эту «скандальную» картину. Называется «Бабушке письмо пришло». От неё веет спокойствием. Устала бабушка, отдыхает. В доме всё прибрано, обед в печи... Строки письма от сына или дочери звучат детским голоском. На душе всё хорошо, всё тартип!** Но стоило бы только за окном избушки появиться измазанному солярякой КамАЗу, как от тишины родительского дома и следа б не осталось! Слава Аллаху, художник не пошёл на актуализацию картины.

Как всё-таки любят у нас разрушать покой, умиротворение, объективный ход событий. Авралы и бестолковые стройки, приуроченные то к столетию Ильича, то к 1000-летию Казани, а

* Художник Харис Якупов с 1951 по 1975 год был председателем правления Союза художников республики. С 1977 по 2007 год руководил творческой мастерской Российской академии художеств в Казани.

**Тартип (тат.) – порядок.

теперь вот и к Универсиаде, видимо, «соцреализм» прочно засел в головах. До сих пор ведь несёмся в светлое будущее, рапортуем о готовности объектов, втираем очки, транспаранты с приветственными словами малюем. Кого хотим удивить?

– Когда в 1979 году эту работу отобрали на выставку в Москву и там она неожиданно «прозвучала», – продолжает Зуфар, – то мнение Якупова сразу переменялось. Он даже запретил её продавать на сторону. Этой картиной мне удалось обратить внимание публики на то, что упорно не хотели замечать, называя мелкотемьем, – на «отдушину» для человека – тихую деревню, где ждёт мама...

Портрет – это вам не фотография

По фотографиям писать очень сложно. Во-первых, она плоская, во-вторых, в ней мало информации, так как это всего лишь один миг человеческой жизни. И он не даёт полной картины. Как-то меня попросили сделать сюрприз имениннице – написать её портрет, но так, чтобы она об этом не знала. Чтобы такой портрет получился более-менее похожим, у художника должно быть много фотоснимков, и желательно любительских, на которых человек не позировал и был раскрепощён. Я написал портрет, и в назначенный час за ним пришли её дети. Нет, качают головами, это не она. Я им объяснил, что так портреты не создаются, и попросил одну встречу с именинницей, чтобы посмотреть на неё вживую, хотя бы инкогнито. Они эту встречу устроили, и я написал её всего за сутки. Заказчик остался доволен.

Но за деньги я не работаю. Главное, чтобы работа была мне интересной. Неприятных мне людей не пишу, всё равно не получится. Хотя если разо-

браться, то стопроцентных сволочей по земле ходит единицы, остальные в полосочку, и плохое в них есть, и хорошее. Надо только поискать это хорошее хорошенько.

Салих Сайдашев

202

– Я никогда не шёл на поводу актуальной темы, модных тенденций, повертий и указаний сверху. Даже портреты делал только тех, кто мне нравился, к кому испытывал симпатию. Взять, к примеру, портреты известных людей Татарстана. Ведь я их с детства любил. Слушал музыку, песни, смотрел пьесы, читал книги, написанные ими. Мне повезло, что я видел Салиха Сайдашева. С ним дружил мой дядя и как-то привёл его к нам в гости. Помню, как он погладил меня по голове, дал конфетку, спросил «халляр ничек»* Детские впечатления, они ведь на всю жизнь, он мне до сих пор снится! Я его написал на фоне крупной лиловой сирени, точно такой же куст цветёт каждую весну во дворе бывшего Радиокомитета (теперь на Горького, 15 находится «Болгар радиосы»), куда часто захаживал композитор, а проживал он совсем рядом – у стен театра имени Тинчурина.

Туфан-абый

Художник создал целую портретную галерею писателей. Это и Хасан Туфан, и Ильдар Юзеев, и Туфан Миннуллин... О Туфане Абдуллоевиче отдельный разговор.

Туфан-абый многолик, как и герои его пьес. Каждый, кто знал его при жизни, помнит разных Туфанов. Зуфару Гиماеву он увиделся таким...

– Как-то от театра имени Камала я получил заказ на портрет драматурга Туфана Миннуллина. Сначала его дали художнику Виктору Фёдорову. Он был хорошим портретистом. Жаль, рано ушёл из жизни, ему всего-то было 60 с небольшим, и, мне кажется, как художник Фёдоров остался до конца не понятым. Но к концу жизни он подустал, стал писать без особой вдумчивости в натуру. Поверхностно! Туфан-абый посмотрел его поздние работы и, видимо, что-то ему не понравилось. Сомнение возникло и у заказчиков. И тогда они предложили ему меня, а я был широко известен... в узком кругу. Он для знакомства попросил показать мои работы. Ему принесли фотографии с некоторых моих картин, и тогда драматург согласился. Шёл 1985-й год.

Помню, как Туфан-абый в первый раз пришёл в мою мастерскую и стал рассматривать развешанные на стенах портреты, пейзажи, что-то я доставал ему со стеллажей. Потом, успокоившись, подсел к столу. Мы стали пить чай и разговаривать. Он-то был уже известный литератор – в зените славы, а я кто? Молодой и многообещающий...

Час проходит за разговорами, два... Вдруг писатель встрепенулся, спрашивает меня: «Почему не работаешь? Только время зря теряем». Я говорю: «Вообще-то, как только вы за порог мастерской перешагнули, я уже начал работать над портретом». «Да, наверное, ты прав», – отвечает.

О чём говорили? Да обо всём: о политике, истории, философии, природе и даже эксосенсорике и йоге... Ему всё было интересно. Как знать, возможно, эти новые познания пригодились писателю и вошли в рассказы, эссе, пьесы... В свою очередь он меня просветил, что такое национальное искусство: «Думаешь, надел чапашку и всё?! Нет, этого мало, у тебя должны быть корни, которые питает вода родников твоей земли, и всё это ради плодов!»

*Халляр ничек? (тат.) – как дела?

О Туфане Миннуллине сложилось мнение, что он националист. Конечно, он очень переживал за свой народ, его беспокоило то, что татарская деревня исчезает, язык забывается, закрываются национальные школы и татары в городе перестают быть татарами. Но он также переживал и за любую другую нацию, над которой нависали схожие проблемы. Он был человеком мира! И как депутат старался повлиять на ситуацию. Хотя было бы достаточно и того, что он делал в театре...

Конечно, до встречи с ним, я не раз смотрел спектакли по его пьесам, читал книги, но мне не хватало неформального общения. Пусть это даже будет разговор ни о чём. Я должен был уловить интонацию, мимику, движения, реакцию... Увидеть как лицо освещает улыбка, как меняет негодование или даже гнев. Всё это очень важно. Портретист похож на губку, которая впитывает. Вот так мы с ним общались в течение пяти-шести сеансов. Он не капризничал, слушался меня. Говорили мы на татарском. Если человек, который пришёл позировать, испытывает напряжение, разговаривая на другом языке, пусть говорит на родном. Помню, когда писал Фаниса Яруллина и Ильдара Юзеева, мы беседовали на татарском, а с Рафаэлем Мустафиним – на русском.

Таким образом, я налаживал контакт, открывал для себя внутренний мир писателя, потом делал этюды, после чего в голове начала рождаться композиция.

И вот настал тот день, когда я сделал последний мазок и поставил свою подпись. Показываю портрет Туфану Абдулловичу. Он шумно реагирует, явно работа ему понравилась. Потом пришла комиссия во главе с Марселем Салимжановым принимать портрет. Кто-то из окружения начал было критиковать, но главреж как отрезал: «Хорошо сделано!» Потом, отведя меня в сторонку, поинтересовался: «Туфан-то сам портрет видел?» «Конечно, – гово-

рю, – даже похвалил». «Странно, – рассуждает вслух Салимжанов, – ведь ты поймал его сущность, он получился у тебя жадным, нетерпимым диктатором! Неужели он этого не заметил. Я бы тебе не стал позировать...»

Но всё же Марсея Салимжанова потом тоже написал, правда, уже после его смерти...

С тех пор мы стали дружить с писателем, он приходил на мои выставки, я на его премьеры. Как-то я поделился с ним своими переживаниями по поводу того, что тогда творилось в нашем СХ. Старики зажимали молодых, забирали все госзаказы, которые не в состоянии были физически сделать. Такая вот нарисовалась у нас дедовщина. И во главе «клана» стоял Абрек Абзгильдин. Я собирался выступить на собрании с резкой критикой руководства Союза художников, хотя понимал, что вызываю огонь на себя. Все от меня отвернутся, и я окажусь крайним. Но накипело! И Туфан-абый меня поддержал: «Раз накипело – выскажись! Может, сначала будет обратный эффект, но... Капля камень точит!»

Бабай

– Как-то тогдашнему мэру Казани Камилю Исхакову пришла идея организовать для местных художников несколько сеансов в Кремле, на которых бы им позировал сам президент Татарстана. Кому ехать? Выбор пал на меня и Григория Эйдинова. Я с большим желанием взялся за эту работу, так как мне хотелось разглядеть в чиновнике такого ранга – человека!

И вот я поехал в Кремль искать человека... И я его нашёл! Шаймиев очень обаятельный и интересный «бабай». Он всем на свете живо интересуется. Умеет слушать, очень терпелив, тактичен. Во время одного из сеансов он спросил меня, как я отношусь к модному художнику Александру Шилову?

И я честно выложил ему своё мнение: его картины, как яркая обёртка у некусной конфетки, которую сразу же выплюнешь!

Он призадумался. Позднее я узнал, что Шаймиев посещал мастерскую Шилова и, возможно, ему позировал.

«Бабай» был неплохо осведомлён о том, что происходит в Союзе художников Татарстана. Но, видимо, ему хотелось услышать об этом из первых уст. Он меня подробно расспрашивал, ну а я его просвещал, излагая свою точку зрения.

204

Дирижёр Казачков

Интересную предысторию имеет портрет дирижёра хора Семёна Абрамовича Казачкова. Когда я его писал, ему уже было за восемьдесят, а прожил он до 96-ти! Он ходил ко мне в мастерскую позировать в течение года. Деликатно отказывался смотреть незавершённый холст, всё откладывал на потом, когда на портрете будет сохнуть последний мазок. Я к работе подошёл очень серьёзно. Посещал его концерты, репетиции, ездил на гастроли и всюду делал зарисовки. Человек он был жёсткий, требовательный, за фальшь мог, как и Шаляпин, вытолкать с репетиции взашей. Я собирал информацию, он мне позировал, я писал, переписывал, и вот наступил тот торжественный день, когда картина была завершена и можно ставить подпись. Казачков встал перед мольбертом, я отошёл в сторонку, чтобы не мешать, но искоса наблюдаю за реакцией. Он весь как-то посерел, вижу, очень переживает. И вдруг резко заявляет: «Это не я!», — как гром среди ясного неба! Ведь столько труда было вложено в портрет, а тут...

Спокойно ему отвечаю: «А я вас увидел таким. Интересно, а вы сами как себя представляете?» И тут он взорвался: «Я такой, я такой... (и начал

перечислять). А вы меня изобразили... беззащитным!»

Что ж, горько вздыхаю, извините, будем считать это творческой неудачей. На этом мы и распрощались.

Проходит время... Портрет дирижёра появляется на выставке, где его многие увидели, в том числе ученики, коллеги, а также супруга Казачкова. Говорят, когда она посмотрела на портрет, то воскликнула: «Сеня, это ты!»

И вот мы случайно встречаемся с дирижёром на улице. Он спрашивает, жив ли тот портрет и можно ли на него ещё раз взглянуть... Конечно, говорю, и завожу в мастерскую.

Семён Абрамович стоял перед своим портретом, наверное, целый час, даже слёзы на глазах проступили. Потом повернулся ко мне и произнёс поникшим голосом: «Зуфар, это я!» И тут мы обнялись...

Видимо, я разглядел его беззащитность перед большим искусством, которую он сам стеснялся показывать, и поэтому долго не признавал. Он видел себя волевым, своенравным, а другие стороны своего характера подавлял, прятал.

Вождь пролетариата

— Помню, сижу я в мастерской — ещё молодой художник только что из Академии... Сижу без заказов, которые до меня просто не доходят, а оседают в руках «старичков». Они всё себе забирают, а вот делать не успевают. Так в конце года несделанные заказы пропадают. Бывало, идёшь в декабре по коридору худфонда, а тебя окликают и с барского плеча «сбрасывают» какой-нибудь горящий заказ. Так перепала мне заявка на портрет Ленина для завода имени Горбунова. Я его за две недели написал. Никакой импровизации в изображении вождя не позволялось. Худсовет принимал ленинину строго! Но всё же я твор-

чески подошёл к работе, просмотрел картины таких мастеров, как Серов, Фешин, Андреев, а также и других художников, которые были современниками Владимира Ильича и писали его с натуры. На их портретах он ещё живой, а не плакатный...

Казанский бандит

В 90-е годы мне «посчастливилось» писать бандита. Этот типаж тогда был «центральной» как в Казани, так и по всей стране. Золотые цепи, малиновые пиджаки, пальцы веером. Он приезжал в мастерскую с телохранителями, вёл себя как хозяин. Ему, чтобы не скучал, привозили водку, пиво, деликатесов на закуску. Ладно ещё до девчонок дело не доходило. Разговор, а точнее, базар у него был примитивный, отражающий неглубокий внутренний мир. На третьем сеансе он, спустив штаны, заснул в туалете...

Подлинные художники и имитаторы

Я думаю, что восприятие картины происходит на тонком подсознательном уровне. Я как бы впитываю её всеми органами чувств, но главное, конечно, сердцем. И даже не всегда ясно понимаю, что же мне в ней нравится, а что нет. Вот я долго рвался за рубеж, чтобы воочию увидеть шедевры мировой живописи, то, чем любовался в альбомах. Конечно, грезил Дрезденской галереей. И вот я там. Иду прямою к Сикстинской мадонне Рафаэля. Стою и не могу понять, что в ней такого?! Чему здесь восхищаться?! Совершенно никакого впечатления она на меня не произвела. Разочарование

полнейшее. Ушёл в другие залы, удручённый...

Целый день блуждал, восторгался подлинниками, старыми мастерами, открывал для себя новые имена и уже перед самым закрытием, направившись к выходу, опять прохожу мимо Сикстинской мадонны и... столбенею. Что-то меня зацепило. Я почувствовал, как корешки моих волос начали шевелиться. Это был шок!

Тот же самый эффект произвела на меня Джоконда в Лувре. Поначалу я стоял перед ней и не мог сосредоточиться, меня отвлекали вспышки фотоаппаратов, но потом картина затянула и приковала к себе. Я уже не реагировал на окружающих.

Чтобы такой контакт произошёл между зрителем и картиной, надо долго мечтать об этой встрече, рассматривая её в иллюстрациях, а потом не ждать внезапного потрясения от первого же с ней свидания. Надо пройти мимо неё несколько раз, потом вернуться, постоять... И возможно тогда *это* произойдёт!

Из наших художников, которые меня согревают, назову Баки Урманче и Николая Фешина. Это великие мастера, у которых я учусь постоянно. Нравятся мне картины Коровина и Шагала. Из татарских – работы Хариса Хайдарова, Андрея Прокопьева, ранний Искандер Рафиков. Последним моим открытием было творчество Равката Каримуллина. Многие считают его картины мазнёй, но я сразу уловил, что передо мной самородок, жаль недоучившийся и не получивший академического образования...

Подлинные художники и имитаторы – тема вечная. Не может быть абсолютно всё высоким искусством! Тут ещё многое от самого художника зависит, какую он перед собой задачу ставит. Одному важно передать внутренний мир явления, другому только внешнюю оболочку, удивить и сразить формой, ошеломить с надеждой, что зритель сам вложит в неё отсутствующее содержание...

Никас Сафронов

Я ходил на его выставку в Казани. Был ажиотаж, как будто бы приехала звезда эстрады. Но его портреты и натюрморты – это кич. Откровенный! К тому же автор привёз копии, выдавая их за оригиналы. Сейчас появилась такая методика перенесения изображения на холст, когда с одной картины можно сделать сколько угодно копий. Неискушённый зритель смотрит – мешковина холста проглядывает, внизу стоит подпись автора, и думает, что это оригинал. Кстати, говорят, что один казанский бизнесмен клюнул и приобрёл на той выставке за 10 тысяч долларов картину Никаса Сафронова. Но гордился он покупкой недолго. Знающие люди открыли ему глаза. Бизнесмен бросился звонить Сафронову, чтобы вернуть деньги, а тот вежливо послал его к ушлым ребятам, которые организовали этот бизнес на модном имени. В ответ на возмущение те хитро вывернулись, заявив, что оригинал стоит 100 тысяч долларов, а за 10 тысяч зелёных можно купить лишь копию с подписью художника.

Никас Сафронов, конечно, никакой не художник. Он – успешный бизнесмен. Умеет пиариться, большие деньги вложил в собственную рекламу, на короткой ноге с известными и влиятельными

людьми. Он раскрутил самого себя и теперь стрижёт купюры. Молодец!

Я уверен, что только в нашей «стране дураков» может существовать такое явление, как Никас Сафронов, в Европе сидеть бы ему за решёткой за мошенничество.

Константин Васильев

Это были 60-е годы. Впервые я увидел его в нашем старом здании художественного училища на Комлева. Его уже тогда сопровождал за спиной лёгкий шумок. Для нас, студентов, он был московской знаменитостью!

Хоть мы и не часто встречались, но как человеку я ему симпатизировал. У Кости была положительная добрая энергетика. До сих пор помню, какое впечатление произвёл на меня его рисунок, который был вывешен в коридоре училища. Значит, подумал я тогда, не случайно шумок ходит следом. Что-то здесь есть такое... И с тех пор я стал интересоваться его работами. Многие картины Васильева мне нравятся. Это был своеобразный художник, которого трудно уместить лишь в уготованные ему рамки русофильства. Или ницшеанства.

206